

Научная статья

УДК 81.232

doi: 10.47475/1994-2796-2023-475-5-88-99

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ОСВОЕНИЯ КОММУНИКАТИВНОГО СИНТАКСИСА И ЖАНРОВОЙ СИСТЕМЫ РОДНОГО ЯЗЫКА

Людмила Александровна Месеняшина¹, Ксения Игоревна Валеева²

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

¹ mesenyashing@mail.ru, ORCID 0000-0002-8308-3440

² ksvaleeva2003@gmail.com

Аннотация. В настоящей статье с помощью метода наблюдения анализируются начальные этапы освоения коммуникативного синтаксиса и жанровой системы родного языка. Материалом наблюдения является речь ребенка в начале третьего года жизни. Анализ материала позволил установить, что в возрасте двух лет и двух месяцев в речевой компетенции ребенка сформировано представление о наличии некоторого количества речевых жанров, противопоставленных друг другу по иллокуциям, фактору прошлого, фактору будущего и типу дискурса. Наиболее разнообразно среди инициативных реплик утилитарно-бытового дискурса представлены жанры с иллокуцией экспрессива: разные виды жалоб, радость, сочувствие, осуждение и этикетные формы выражения эмоций. В рамках директивной иллокуции различаются просьба, требование и вопрос. В ответных репликах утилитарно-бытового дискурса появляются жанры отказа и протеста, а в познавательно-игровом дискурсе появляется жанр шутки. Синтаксическая сторона высказываний отличается гетерогенностью, в трехсловных высказываниях появляются признаки нарративной речи. Перспектива исследования связана с проверкой гипотезы о том, что синтаксис бессоюзного и сложносочиненного предложений формируется у ребенка раньше, нежели синтаксис простого.

Ключевые слова: детское высказывание, иллокутив, дискурс, жанровая дифференциация, членение высказывания

Для цитирования: Месеняшина Л. А., Валеева К. И. Начальный этап освоения коммуникативного синтаксиса и жанровой системы родного языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 5 (475). С. 88-99. doi: 10.47475/1994-2796-2023-475-5-88-99.

Original article

THE INITIAL STAGE OF MASTERING THE COMMUNICATIVE SYNTAX AND GENRE SYSTEM OF THE NATIVE LANGUAGE

Lyudmila A. Mesenyashina¹, Ksenya I. Valeeva²

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

¹ mesenyashing@mail.ru, ORCID 0000-0002-8308-3440

² ksvaleeva2003@gmail.com

Abstract. In this article, using the method of observation, the initial stages of mastering the communicative syntax and the genre system of the native language are analyzed. The material of observation is the speech of the child at the beginning of the third year of life. An analysis of the material made it possible to establish that at the age of two years and two months, the child's speech competence enables them to form an idea of the presence of a certain number of speech genres opposed to each other by illocution, the past factor, the future factor and the type of discourse. Genres with expressive illocution are represented most diversely among the initiative utterances of the utilitarian-everyday discourse: different types of complaints, joy, sympathy, condemnation and etiquette forms of expressing emotions. Within the framework of a directive illocution, a request, a demand, and a question are distinguished. Genres of rejection and protest appear in the reciprocal remarks of the utilitarian-everyday discourse, and the genre of a joke appears in the cognitive-game discourse. The syntactic side of the utterances is heterogeneous; signs of

narrative speech appear in three-word utterances. The prospect of the study is connected with testing the hypothesis that the syntax of asyndetic and compound sentences is formed in a child earlier than the syntax of a simple sentence.

Keywords: children's utterance, illocutionary, discourse, genre differentiation, articulation of utterance

For citation: Mesenyashina LA, Valeeva KI. The initial stage of mastering the communicative syntax and genre system of the native language. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;5(475):88-99. (In Russ). doi: 10.47475/1994-2796-2023-475-5-88-99.

Введение

Согласно М. М. Бахтину, «методологический порядок изучения языка» должен быть следующим: «1) формы и типы речевого взаимодействия в связи с конкретными условиями его; 2) формы отдельных высказываний, отдельных речевых выступлений в тесной связи со взаимодействием, элементами которого они являются, т. е. определяемые речевым взаимодействием жанры речевых выступлений в жизни и в идеологическом творчестве; 3) исходя отсюда пересмотр форм языка в их обычной лингвистической трактовке» [2. С. 105]. То, что Бахтин называл «формами и типами речевого взаимодействия в связи с конкретными условиями его», сегодня обычно называется дискурсом, и в современной онтолингвистике все чаще уделяется внимание категориям жанра и дискурса как факторам, оказывающим существенное влияние на речь ребенка. Так, в работе А. Н. Корнева и И. Балчюниене говорится о «сильном влиянии жанра речевой коммуникации» на грамматику речи ребенка [8. С. 376]. О. В. Кошечева отмечает, что «последовательность появления определенных жанров в речи детей связана с противопоставлением «нижнего» (бытового, повседневного) и «верхнего» (торжественного, ритуального, институционального) полюсов общения» [9. С. 408]. И. Н. Махова и Л. Д. Бургакова выделяют игровой дискурс как особую сферу коммуникации, неразрывно связанную с речевым творчеством [13].

Еще более значительное внимание уделялось проблемам становления синтаксиса на ранних этапах развития детской речи. Хорошо известно, что к третьему году жизни ребенок переходит от голофраз к двусловным высказываниям. В книге С. Н. Цейтлин «Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи» отмечается предикативный характер таких высказываний и исчислены смысловые отношения между компонентами двусловных высказываний [15]. Исследования Ю. А. Левицкого помогли понять общие закономерности процесса становления синтаксиса на ранних этапах развития детской речи. Отправной точкой в этом отношении явилась высказан-

ная Ю. А. Левицким гипотеза «грамматического плюрализма», т. е. наличия в речи современного человека нескольких грамматик, а именно: протограмматики, коммуникативной грамматики, актантно-ролевой грамматики и номинативной грамматики [12]. Т. В. Ахутина убедительно доказывает, что становление грамматики детской речи проходит все эти этапы [1]. Как отмечают К. А. Ключко и Б. А. Крузе, двухкомпонентное «предложение» является единицей коммуникативной грамматики [7]. Заключение слова «предложение» в кавычки обусловлено тем, что предложением все-таки принято считать предикативную единицу определенной грамматической структуры. «Стоит помнить, что в основе теории альтернативных грамматик лежит утверждение о четком различении понятий предложения и высказывания, согласно которому предложение представляет собой единицу языка (инвариант), а высказывание — единицу речи (один из возможных вариантов)» [15. С. 60]. Проблеме становления коммуникативной структуры текста в онтогенезе посвящена работа А. И. Лаврентьевой [11].

Вместе с тем в онтолингвистике вопрос о связи между становлением синтаксической компетенции ребенка и освоением жанровой системы родного языка остается недостаточно изученным.

Материалы и методы исследования

С. Н. Цейтлин отмечает, что среди направлений онтолингвистических исследований важное место занимает «изучение освоения родного языка тем или иным конкретным ребенком» [16. С. 275]. На основании этого в качестве материала настоящего исследования были избраны высказывания Арсения Х. (возраст 2 года 2 месяца). С помощью метода наблюдения анализируются начальные этапы освоения коммуникативного синтаксиса и жанровой системы родного языка. Объектом наблюдения является речь ребенка в начале третьего года жизни. Предметом исследования является детское высказывание как с точки зрения его внутренней структуры, т. е. синтаксиса, так и в качестве единицы жанровой системы детской речи. Возможно, с терминологической точки зрения справедливее

было бы говорить о протожанровой системе, но если вслед за С. Н. Цейтлин, подходить к детской речи как к самодовлеющему явлению [16], приставка «прото-» является излишней.

Цель настоящей работы — путем анализа синхронного среза речи ребенка охарактеризовать состояние его синтаксической и жанровой компетенций.

Анализируя речь Арсения Х. год тому назад, мы также пришли к выводу, что «для формирования протожанровой системы в языковой компетенции ребенка существенно противопоставление коммуникатов не только по иллюкуциям, но и по фактору прошлого и по характеру дискурса» [14. С. 511]. Исходя из этого мы сохранили данный принцип классификации детских высказываний и в текущем году, разбив все высказывания Арсения Х. на высказывания, принадлежащие утилитарно-бытовому дискурсу, и высказывания, принадлежащие познавательному-игровому дискурсу, в каждом из указанных дискурсов выделили высказывания инициативного характера и высказывания ответного характера (табл. 1–5). Следуя заветам М. М. Бахтина, мы в своей работе намерены продвигаться от жанра — к синтаксису.

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ жанровой системы

Из таблиц 1–5 видно, что в рамках одного и того же иллюкутива наблюдается некоторое разнообразие, в котором можно увидеть междужанровые различия. Наибольшее разнообразие в этом отношении представляют инициативные

жанры утилитарно-бытового дискурса, в особенности высказывания экспрессивного характера. Здесь можно увидеть следующие жанры.

- Выражение сочувствия** (пока невербальное): поглаживая по спине/руке/коленке, иногда заглядывает в глаза и говорит имя человека (кукол прижимает к себе и покачивает).
- Выражение радости**: «Няня, мама вжж!» — со смехом рассказывает, что мама купила ему машинку, которую он просил; «Уя!» — «Ура»; «Бой не!» — боль прошла.
- Жалобы** разного вида: а) «говорю: у меня происходит нечто плохое; чувствую себя плохо по этой причине; говорю это, потому что хочу, чтобы ты мне сочувствовал» [2. С. 75], например: «Бойн!» — ему больно — и б) «говорю: по вине кого-то у меня происходит нечто плохое; чувствую себя плохо по этой причине; говорю это, потому что хочу, чтобы ты сделал этому кому-то нечто плохое» [2, там же]. Последний вид представлен шире: «Аппись» — собака написала в комнате (очень возмущенно); «Няня, Кия бух!» — рассказывает, что сестра уронила башню из конструктора; «Кия бум» — Кира его бьет; «Баба ап!» — бабушка закрыла собаку в комнате, а он хотел с ней поиграть.
- Осуждение**: «Кия! Ай-яй!» (грозит пальцем) — ругает, если Кира разрушила постройку из конструктора.
- Этикетные реплики**: «Пи» — спасибо; «Пока» — прощание; «Пиэ» — приветствие (табл. 1).

Таблица 1
Table 1

Инициативные коммуникативы (экспрессивы). Утилитарно-бытовой дискурс Initiative communicatives (expressives). Utilitarian and everyday discourse

Экспрессивы					
Жалоба		Радость	Сочувствие	Этикетные фразы	Осуждение
1	2				
«Бойн!» — ему больно	«Аппись» — собака написала в комнате (очень возмущенно)	«Няня, мама вжж!» — со смехом рассказывает, что мама купила ему машинку, которую он просил	Поглаживания по спине/руке/коленке, иногда заглядывает в глаза и говорит имя человека (кукол прижимает к себе и покачивает)	«Пока» — прощается с человеком	«Кия! Ай-яй!» (грозит пальцем) — ругает, если Кира разрушила постройку из конструктора (если жаловаться некому — ругает, не дожидаясь разрешения)

Экспрессивы					
Жалоба		Радость	Сочувствие	Этикетные фразы	Осуждение
1	2				
	«Няня, Кия бух!» — рассказывает, что сестра уронила башню из конструктора	«Уя!» — «Ура!»		«Пиэ» — здоровается с человеком	
	«Кия бум» — Кира его бьет				
	«Баба ап!» — бабушка закрыла собаку в комнате, а он хотел с ней поиграть				
		«Бой не!» — боль прошла		«Пи» — «спасибо»	

Наблюдаются такие различия и в рамках директивных высказываний.

- Просьба:** «Чи мяу» (указывает на телевизор) — просит включить мультсериал «Три кота» («Чи Грр» — «Турбозавры», «Чи Мяу-ап» — «Кошечки — собачки», «Чи Апп» — «Маша и Медведь»); «Дай кон» — просит достать конструктор; «Кой» — просит что-то открыть (часто что-то, что он уже держит в руках); «Няня, дём! Папа фуух» — просит пойти с ним что-то делать, так как папа устал это делать, и т. п.
- Требование:** «Кия, ам!» — отправляет Киру есть; «Мама, съюп!» — требует, чтобы мама попила то, что Арсений дал; «Уку!» — на улице нужно взять его за руку и т. п. (Различие между просьбой и требованием, вслед за

М. Я. Гловинской, видим в том, что в требовании, в отличие от просьбы, присутствует представление субъекта речевого акта о том, что адресат не может не выполнить желание субъекта речевого акта [4].)

- Вопрос:** «Кто?» — спрашивает, кто пришел, если слышит, что входная дверь открылась; «Де гол?» — спрашивает, где мяч; «Няня уо?» — «Няня делает уроки?». Появление жанра вопроса свидетельствует о том, что среди признаков, релевантных для различения тех или иных жанров, ребенок выделяет фактор будущего [17], рассчитывая на ответную реплику. А вот между констативами в инициативных репликах утилитарно-бытового дискурса признаков жанрового разнообразия не обнаружено (табл. 2).

Таблица 2
Table 2

Инициативные коммуникативы. Утилитарно-бытовой дискурс Proactive communicative. Utilitarian and everyday discourse

Констативы	Директивы		
	Просьба	Требование	Вопрос
«Я гу папа» — сообщает, что сейчас пойдет гулять с папой / только что гулял	«Чи мяу» (указывает на телевизор) — просит включить мультсериал «Три кота» («Грр» — «Турбозавры», «Мяу-ап» — «Кошечки — собачки», «Апп» — «Маша и Медведь»)	«Дём ко» — зовет пойти в комнату с ним (отказаться никак не получится)	«Кто?» — спрашивает, кто пришел, если слышит, что входная дверь открылась

Окончание таблицы 2
Table 2 (end)

Констативы	Директивы		
	Просьба	Требование	Вопрос
«Я пись» — говорит, что хочет писать, после этого обычно бежит садиться на горшок	«Дай кон» — просит достать конструктор	«Кия, ам!» — отправляет Киру есть	«Де гол?» — спрашивает, где мяч
«Я фуух» — он устал что-то делать	«Кой» — просит что-то открыть (часто что-то, что он уже держит в руках)	«Мама, сьюп!» — требует, чтобы мама попила то, что Сеня дал	«Папа де?» — спрашивает, где папа
«Я гол папа» — он играл в мяч с папой	«Няня, бо-о!» (разводит руками, а потом дает деталь конструктора) — просит помочь построить большую башню/ дом из конструктора	«Уку!» — на улице нужно взять его за руку	«Де оп-па?» (загребает воздух рукой) — потерял лопату
«Дядя кака» — дядя выкидывает мусор	«Няня, дём! Папа фуух» — просит пойти с ним что-то делать, так как папа устал это делать	«Мама да!» — говорит, что ему разрешили, а значит, Сеня должен получить что-то немедленно (необязательно ему действительно что-то разрешали)	«Мама бот?» — узнает, на работе ли мама
«Моя мама» — «моя мама»	«Мо-онга» (разводит руками) — просит положить много еды в тарелку		«Няня уо?» — «Няня делает уроки?»
«Пая папа» — «мой папа»	«Ищё!» — просит дать/ положить еще		
«Бая баба» — «моя бабушка»			
«Я попа» — «Я сел/сяду на попу»			
«Кон у, папа ай-яй» — конструктор нужно убрать, а то папа будет ругать			
«Поля» (Поля), «Кия» (Кира), «няня», «мама», «папа», «баба», «деде», «дядя», «тётя» — члены семьи			
«Мама, сьюп!» — «Мама, это вода»			
«Я не мею» («Я не умею») — говорит, когда что-то не получается			
«О-о! Баба монга!» — много положила			
«Койка, и я бух!» — на улице было скользко, поэтому он упал			
«Дийка» — «дырка»			

Зато среди ответных реплик утилитарно-бытового дискурса внутри констативов отчетливо противопоставлены жанры собственно сообщения

[«Я гу!» — он идет гулять (на вопрос «Куда собираешься?»); «Мама ам» — мама готовит кушать (на вопрос «Что мама делает?») и отказа [«Сеня,

будешь смотреть Барбоскиных?» — «Не» (качает головой); «Арсений, убирай лопату» — «Не, я!» («Нет, моя!») (прячет за спину лопату); «Арсений, сделай шарик из пластилина, пожалуйста» — «Я не мею» («Я не умею»). В ответных директивах не представлен жанр требования — только **вопрос**: «Папа, да вжум?» — на просьбу спросить по телефону, приехал ли папа, и **просьба**: «Няня, мама!» (тянет за руку) — мама попросила позвать, нужно подойти. В ответных экспрессивах наряду с отмеченным выше **осуждением** появляется жанр **протеста**: «Не, я бо! Я бо!» — говорит, что он большой, если ему не дают что-то, говоря, что он маленький; «Кия, не!» — сопровождает физическим воздействием на человека или топает ногой (табл. 3).

В познавательном-игровом дискурсе среди инициативных директив присутствуют также, как и в утилитарном дискурсе, жанры **просьбы** («Мама, вжум бах!» — игрушечная машина попала в аварию и теперь мама должна помочь «починить» ее) и **вопроса** («Тё эт?» / «Тё?» — узнаёт, что за предмет), но отсутствует жанр требования (что, в общем-то, ожидаемо). Среди констативов, наряду с **сообщениями** [«Я вжум» — он едет на машине (игрушечной); «Я не!» — он первый прибежал/съел], появляется жанр **шутки**: «Няня, не» (разводит руками и смеется) — после того, как спрятал что-то («Няня, смотри, игрушка пропала»); «Он-на!» (перед этим хватается за нос) — вроде как забрал нос, надо теперь вернуть его; «Кия — кака!» (смеется) (табл. 4). Этот жанр отмечен и в ответных репликах познавательного-игрового дискурса: «Кия!» (смеется) — в ответ на вопрос «Кто это сделал?»; «Я ам!» (смеется) — на вопрос «Куда делся этот предмет?» (табл. 5).

Таким образом, мы видим, что основы жанровой дифференциации проявляются в высказываниях ребенка уже в начале третьего года жизни, причем характер дискурса влияет на появление тех или иных жанров. Так, жанр шутки появляется исключительно в познавательном-игровом дискурсе, причем не только в ответных, но и в инициативных репликах; такие жанры, как отказ и протест, — только в утилитарно-бытовом дискурсе. При этом последний способствует появлению значительного разнообразия эмоционально-экспрессивных и директивных жанров.

Анализ синтаксической системы

Анализ внутренней устроенности высказываний Арсения Х. позволяет установить, что среди них представлены однословные, двусловные, трехсловные и даже четырехсловные высказывания.

Однословные высказывания носят явно неоднородный характер. Среди них есть и явные голофразы, сохранившиеся с более раннего возраста, например, **жалоба** (1): «Бойн!» (больно) (табл. 1); **просьбы**: «Мо-онга» (разводит руками) — просит положить много еды в тарелку; «Ищё!» — просит дать/положить еще; (табл. 2); **звукоподражательные констативы**: «Иа-иа» — показывает на изображение осла; «Го-го» — показывает на изображение лошади / играет игрушечной лошадкой; «Ап» — показывает на изображение собаки (табл. 4–5) и т. п.

Однако значительная часть однословных высказываний представляет собой как раз тот пласт русского синтаксиса, который в соответствующих типах дискурса взрослых коммуникантов также представлен однословными высказываниями: это **междометные высказывания** [«Уя!» («Ура!») (табл. 1), «Тс-с!» (прикладывает палец к губам) — просит тишины, когда прячется, чтобы кого-нибудь напугать (табл. 4)]; **этикетные фразы** [«Пока», «Лиэ» («Привет!»); «Ли» («спасибо») (табл. 1)]; **команды** [«Уку!» — на улице нужно взять его за руку]; **просьбы** [«Кой» — просит что-то открыть (часто что-то, что он уже держит в руках) (табл. 2)]; **отказы** [«Сеня, будешь смотреть „Барбоскиных“?» — «Не» (качает головой); «Сень, подай, пожалуйста, длинную деталь» — «Не!» (улыбается и прячет деталь за спину) (табл. 3)]; **шутки** [«Он-на!» (перед этим хватается за нос) — вроде как забрал нос, надо теперь вернуть его (табл. 4)]; **ремагические (неполные) ответы на вопросы** [«Ко-ко» — отвечает на вопрос «Как говорит курочка?»; «Му-у» — отвечает на вопрос «Как говорит корова?» (табл. 5)] и т. п. То есть налицо явная реализация так называемой коммуникативной грамматики.

Для анализа двусловных высказываний важно было решить вопрос о том, в каких категориях их описывать: предпочесть традиционную отечественную систему актуального членения или систему «топик — комментарий».

В работах В. А. Курдюмова и К. Э. Коцик [10] и Т. В. Ахутиной [1] очень убедительно доказано, почему второе применительно к нашему предмету будет целесообразнее: «Структура „топик — комментарий“ функционирует на любых уровнях глубины порождения-восприятия, это универсальный код досинтаксических построений» [10. С. 90].

В двусловных репликах Арсения грамматического членения как такового и нет. Подходить же с категориями актуального членения имеет смысл,

когда в высказывании можно четко противопоставить грамматическое членение актуальному.

Вместе с тем двусловные ответные реплики Арсения, безусловно, отражают актуальное членение, заложенное в вопросе или утверждении, адресованных ему: «*Я ам*» — он кушает (на вопрос «Что делаешь?»); «*Я гу!*» — он идет гулять (на вопрос «Куда собираешься?»); «*Мама ам*» — мама готовит кушать (на вопрос «Что мама делает?»); «*Не, я бо! Я бо!*» — не соглашается с аргументом,

что ему что-то нельзя, поскольку он маленький (табл. 3). Менее очевидно актуальное членение в вопросах ребенка, но все же противопоставление темы и ремы улавливается: «Тё эт?» / «Тё?» — узнаёт, что за предмет (табл. 4); «*Де гол?*» — спрашивает, где мяч; «*Мама бот?*» — узнаёт, на работе ли мама; «*Няня уо?*» — «Няня делает уроки?» (табл. 2). Интересно заметить, что в речи ребенка уже отчетливо противопоставлены частные диктальные и частные модальные вопросы.

Таблица 3

Table 3

Ответные коммуникативы. Утилитарно-бытовой дискурс
Response communication. Utilitarian and everyday discourse

Иллокуции				
Экспрессивы	Констативы		Директивы	
Протест	Сообщение	Отказ	Просьба	Вопрос
«Не, я бо! Я бо!» — говорит, что он большой, если ему не дадут что-то, говоря, что он маленький	«Я ам» — он кушает (на вопрос «Что делаешь?»)	— Сеня, будешь смотреть «Барбоскиных»? — Не. (качает головой)	«Няня, мама!» (тянет за руку) — мама попросила позвать, нужно подойти	«Папа, да вжум?» — на просьбу спросить по телефону, приехал ли папа
	«Я гу!» — он идет гулять (на вопрос «Куда собираешься?»)	— Арсений, ты хочешь кушать? — Не, я ам!		
	«Папа ха-фуу» (закрывает глаза и храпит) — «папа спит» (на вопрос «Что папа делает?»)	— Сень, подай, пожалуйста, длинную деталь. — Не! (улыбается и прячет деталь за спину)		
«Кия, не!» — сопровождает физическим воздействием на человека или топает ногой	«Баба (зжимает нос, как будто сморкается)» — бабушка в ванной умывается (на вопрос «Где бабушка?»)	— Ты печеньки будешь? — Хм... (закатывает глаза в раздумьях). Не		
	«Мама ам» — мама готовит кушать (на вопрос «Что мама делает?»)	— Арсений, убери лопату. — Не, я! («Нет, моя!») — прячет за спину лопату		
«Кия! Ай-яй!» — ругает, если Кира разрушила постройку из конструктора, после того как пожаловался и получил разрешение поругать Киру				

Инициативные коммуникативы. Игровой дискурс
Proactive communicative. Game discourse

Иллокуции				
Экспрессивы	Констативы		Директивы	
	Сообщение	Шутка	Просьба	Вопрос
	«Я го-о-ол!» — когда забивает гол мячом	«Няня, не» (разводит руками и смеется) — после того как спрятал что-то («Няня, смотри, игрушка пропала»)	«Мама, вжумбах!» — игрушечная машина попала в аварию, и теперь мама должна помочь «починить» ее	«Тё эт?» / «Тё?» — узнаёт, что за предмет
	«Я вжум» — он едет на машине (игрушечной)	«Оп-па!» (перед этим хватает за нос) — вроде как забрал нос, надо теперь вернуть его	«Тс-с!» (прикладывает палец к губам) — просит тишины, когда прячется, чтобы кого-нибудь напугать	
	«Я пе!» — он первый прибежал/съел	«Кия — кака!» (смеется)		
	«С-сь» — показывает на изображение змеи			
	«Иа-иа» — показывает на изображение осла			
	«Го-го» — показывает на изображение лошади / играет игрушечной лошадью			
	«Хрю» — показывает на изображение свиньи			
	«Му-у» — показывает на изображение коровы			
	«А-а» — показывает на изображение кошки			
	«Ап» — показывает на изображение собаки			
	«Р-рр» — показывает на изображение тигра/льва			
	«Гр-р» — показывает на изображение динозавра / играет игрушечным динозавром			
	«Ар» — показывает на изображение медведя			

Однако большую часть двусловных высказываний действительно целесообразнее интерпретировать в рамках оппозиции «топик — комментарий», в особенности если дело касается инициативных реплик, например: **жалоба** (2) [«Баба аи!» — бабушка закрыла собаку в комнате, а он хотел с ней поиграть (табл. 1)]; **сообщение** («Дядя кака» — дядя выкидывает мусор); **требование** [«Мама, сьюн!» — требует, чтобы мама попила то, что Арсений дал (табл. 2)].

Особый интерес представляют высказывания большего объема: трех- и четырехсловные. Вопреки ожиданиям, признаков формальной грамматики нет и в трехсловных высказываниях, зато появляются элементы нарратива: «Няня, Кия бух!» — рассказывает, что сестра уронила башню из конструктора; «Няня, мама вжжж!» — со смехом рассказывает, что мама купила ему ма-

шинку, которую он просил (табл. 1). Обе эти реплики — рассказ о прошедшем, результат которого сохранился до момента речи. И наибольший интерес представляют немногочисленные четырехсловные высказывания. Они представляют собой инициативные реплики утилитарно-бытового дискурса: «Кон у, папа ай-яй» — конструктор нужно убрать, а то папа будет ругать; «Койка, и я бух!» — на улице было скользко, поэтому он упал; «Няня, дём! Папа фуух» — просит пойти с ним что-то делать, так как папа устал это делать (табл. 2). Внутри каждой из этих реплик отчетливо видны традиционные одно- и двусловные высказывания, но они связаны между собой причинно-следственными отношениями, причем в одном случае даже налицо употребление союза (правда асемантического характера).

Таблица 5
Table 5

Ответные коммуникативы. Игровой дискурс
Response communication. Game discourse

Экспрессивы	Иллокуции		Директивы
	Констативы		
	Сообщение	Шутка	
	«Ко-ко» — отвечает на вопрос «Как говорит курочка?»	«Кия!» (смеется) — в ответ на вопрос «Кто это сделал?»	
	«Кря» — отвечает на вопрос «Как говорит уточка?»	«Я ам!» (смеется) — на вопрос «Куда делся этот предмет?»	
	«Калякалякаля» — отвечает на вопрос «Как говорит петух?»		
	«Иа-иа» — отвечает на вопрос «Как говорит осел?»		
	«Го-го» — отвечает на вопрос «Как говорит лошадь?»		
	«Хрю» — отвечает на вопрос «Как говорит свинья?»		
	«Му-у» — отвечает на вопрос «Как говорит корова?»		
	«А-а» — отвечает на вопрос «Как говорит кошка?»		
	«Ап» — отвечает на вопрос «Как говорит собака?»		
	«Р-рр» — отвечает на вопрос «Как говорит лев/тигр?»		
	«Гр-р» — отвечает на вопрос «Как говорит динозавр?»		
	«Ар» — отвечает на вопрос «Как говорит медведь?»		
	«Ж-ж» — отвечает на вопрос «Как жужжит пчелка?»		
	«С-сь» — отвечает на вопрос «Как говорит змейка?»		

Выводы

Анализ речевой продукции Арсения Х. позволил установить следующее.

В начале третьего года жизни в речевой компетенции ребенка сформировано представление о наличии некоторого количества речевых жанров, противопоставленных друг другу по иллюкуциям, фактору прошлого, фактору будущего и типу дискурса.

1. Наибольшее жанровое и коммуникативно-грамматическое разнообразие наблюдается среди инициативных реплик утилитарно-бытового дискурса. Наиболее разнообразно в этом типе дискурса представлены жанры с иллюкуцией экспрессива: разные виды жалоб, радость, сочувствие, осуждение и этикетные формы выражения эмоций. В рамках директивной иллюкуции различаются просьба, требование и вопрос.
2. В ответных репликах утилитарно-бытового дискурса появляются жанры отказа и протеста.
3. В рамках познавательного-игрового дискурса появляется жанр шутки.
4. Синтаксическая сторона высказываний отличается гетерогенностью. Вопросительные

и ответные реплики строятся по правилам коммуникативной грамматики разговорного дискурса взрослой речи. Инициативные реплики констатирующего и экспрессивного характера строятся в основном по схеме «топик — комментарий». Появляются сложные высказывания, состоящие из двух двусловных, связанных причинно-следственными отношениями, построенные по модели бессоюзных и сложносочиненных предложений в разговорной речи.

5. В трехсловных высказываниях появляются признаки нарративной речи.

Таким образом, предположение о том, что при изучении становления и развития детской речи целесообразно учитывать факторы дискурса и жанра, подтверждается.

Перспектива исследования связана с проверкой гипотезы о том, что синтаксис бессоюзного и сложносочиненного предложений формируется у ребенка раньше, нежели синтаксис простого. Основанием гипотезы служит факт, что в основе синтаксиса сложного предложения лежат смысловые отношения между частями, в то время как в основе простого — формальные отношения между членами предложения.

Список источников

1. Ахутина Т. В. Модель порождения речи школы Л. С. Выготского: основы и верификация // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2022. Т. 164, кн. 1–2. С. 7–27.
2. Вежбицка А. Речевые жанры [в свете теории элементарных смысловых единиц] // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М. : Лабиринт, 2007. С. 68–80.
3. Волошинов В. Н., Бахтин М. М. Марксизм и философия языка. М. : Лабиринт, 1993. 199 с.
4. Гловинская М. Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект / ред. Е. А. Земская. М. : Наука, 1993. С. 158–218.
5. Ключко К. А. Двухкомпонентные высказывания в политической рекламе // Актуальные вопросы современной науки. 2015. № 2 (5). С. 148–151.
6. Ключко К. А. Проблемы выделения одно- и двухкомпонентных высказываний в русском языке // Евразийский вестник гуманитарных исследований. 2015. № 1 (2). С. 12–15
7. Ключко К. А., Крузе Б. А. Исследование текстообразующего потенциала одно- и двухкомпонентных высказываний // Язык и культура. 2018. № 42. С. 60–80.
8. Корнев А. Н., Балчюниене И. Влияние жанра дискурса на грамматический частотный профиль у детей с первичным недоразвитием речи // Проблемы онтолингвистики — 2018: материалы Ежегодной междунар. науч. конф., 20–23 марта 2018 г., Санкт-Петербург ; РГПУ им. А. И. Герцена, кафедра языкового и литературного образования ребенка, лаборатория детской речи, межвузовский центр билингвального и поликультурного образования ; отв. ред. Т. А. Круглякова. Иваново : ЛИСТОС, 2018. С. 375–376.
9. Кошечеева О. В. Некоторые типичные закономерности формирования речевых жанровых компетенций в онтогенезе // Проблемы онтолингвистики — 2018: материалы Ежегодной междунар. науч. конф., 20–23 марта 2018 г., Санкт-Петербург ; РГПУ им. А. И. Герцена, кафедра языкового и литературного образования ребенка, лаборатория детской речи, межвузовский центр билингвального и поликультурного образования ; отв. ред. Т. А. Круглякова Иваново : ЛИСТОС, 2018. С. 406–410.

10. Курдюмов В. А., Коцик К. Э. К вопросу о дифференциации понятий «топик — комментарий» и «тема — рема» // Вестник Российского нового университета. Сер.: Человек в современном мире, 2020. № 1. С. 86–93.
11. Лаврентьева А. И. К проблеме становления коммуникативной структуры текста в онтогенезе // Текст, контекст, интертекст : сборник научных статей по материалам Международной научной конференции / отв. ред. В. А. Коханова, Е. Ю. Геймбух. М. : Изд-во МГПУ, 2014. С. 51–59.
12. Левицкий Ю. А. Альтернативные грамматики. Пермь : Перм. ун-т, 2007. 176 с.
13. Махова И. Н., Бургакова Л. Д. Игровой диалогический дискурс как коммуникативное событие // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 11 (89). Ч. 1. С. 122–127.
14. Месеняшина Л. А., Валеева К. И. Ранние голофразы: на пути к жанровой дифференциации // Когнитивные исследования языка. Вып. № 1 (52): Познание и язык: через видимость в сущность : сборник научных трудов. Посвящается юбилею д-ра филол. наук, профессора Е. И. Головановой ; отв. ред. О. Н. Ковалева. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2023. С. 504–512.
15. Цейтлин С. Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М. : Знак, 2009. 592 с.
16. Цейтлин С. Н. Направления и аспекты изучения детской речи // Детская речь как предмет лингвистического исследования. СПб., 2004. С. 275–278.
17. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М. : Лабиринт, 2007. С. 81–89.

References

1. Akhutina TV. The speech generation model of L. S. Vygotsky: foundations and verification. *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya gumanitarnyye nauki = Scientific notes of Kazan University. Humanities series*. 2022;(164(1-2):7-27. (In Russ.).
2. Vezhbitska A. Speech genres [in the light of the theory of elementary semantic units]. In: *Antologiya rechevykh zhanrov: povsednevnyaya kommunikacija = Anthology of speech genres: Everyday communication*. Moscow: Labirint; 2007. Pp. 68–80. (In Russ.).
3. Voloshinov VN, Bakhtin MM. *Marksizm i filosofiya yazyka = Marxism and the philosophy of language*. Moscow: Labirint; 1993. 199 p. (In Russ.).
4. Glovinskaya Mya, Zemskaya EA (ed.) Semantics of verbs of speech from the point of view of the theory of speech acts. In: *Russkiy yazyk v yego funktsionirovanii. Kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt = Russian language in its functioning. Communicative and pragmatic aspect*. Moscow; 1993. Pp. 158–218. (In Russ.).
5. Klochko KA. Two-component statements in political advertising. *Aktual'nye voprosy sovremennoj nauki = Current issues of modern science*. 2015;(2(5):148-151. (In Russ.).
6. Klochko KA. Problems of singling out one- and two-component utterances in the Russian language. *Evrzjskiy vestnik gumanitarnykh issledovanij = Eurasian Bulletin of Humanitarian Studies*. 2015;(1(2):12-15. (In Russ.).
7. Klochko KA, Kruze BA. Study of the text-forming potential of one- and two-component utterances. *Jazyk i kul'tura = Language and culture*. 2018;(42):60-80. (In Russ.).
8. Kornev AN, Balchyuniene I. Influence of the discourse genre on the grammatical frequency profile in children with primary speech underdevelopment. In: *Problemy ontolingvistiki — 2018 = Problems of Ontolinguistics — 2018*. Ivanovo; 2018. Pp. 375–376. (In Russ.).
9. Koshcheyeva OV. Some typical patterns of the formation of speech-genre competence in ontogenesis. In: *Problemy ontolingvistiki — 2018 = Problems of Ontolinguistics — 2018*. Ivanovo; 2018. Pp. 406–410. (In Russ.).
10. Kurdyumov VA, Kotsik KE. On the issue of differentiation of the concepts “topic — comment” and “topic — rheme”. *Vestnik Rossiyskogo novogo universiteta. Seriya «Chelovek v sovremennom mire» = Bulletin of the Russian New University. Ser.: Man in the modern world*. 2020;(1): 86-93. (In Russ.).
11. Lavrentieva AI. On the problem of the formation of the communicative structure of the text in ontogenesis. In: *Tekst, kontekst, intertekst = Text, context, intertext*. Moscow, 2014. Pp. 51–59. (In Russ.).
12. Levitsky YuA. *Al'ternativnye grammatiki = Alternative grammars*. Perm: Perm State university; 2007. 176 p. (In Russ.).

13. Makhova IN, Burgakova LD. Game dialogue discourse as a communicative event. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological sciences. Questions of theory and practice*. 2018;(11(89)1):122-127. (In Russ.).

14. Mesenyashina LA, Valeeva KI. Early holophrases: on the way to genre differentiation. In: *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. № 1 (52) = Cognitive language studies. Issue № 1 (52)*. Chelyabinsk: Chelyabinsk State university; 2023. Pp. 504–512. (In Russ.).

15. Cejtin SN. Oчерки po slovoobrazovaniyu i formoobrazovaniyu v detskoj rechi = Essays on word formation and form formation in children's speech. Moscow: Sign; 2009. 592 p. (In Russ.).

16. Cejtin SN. Directions and aspects of the study of children's speech. In: *Detskaya rech' kak predmet lingvisticheskogo issledovaniya = Directions and aspects of the study of children's speech*. St. Petersburg; 2004. Pp. 275–278. (In Russ.).

17. Shmeleva TV. Speech genre model. In: *Antologiya rechevykh zhanrov: povsednevnyaya kommunikacija = Anthology of speech genres: Everyday communication*. Moscow: Labirint; 2007. Pp. 81–89. (In Russ.).

Информация об авторах

Л. А. Месеняшина — доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и литературы.

К. И. Валева — студентка 3 курса бакалавриата.

Information about the authors

Lyudmila A. Mesenyashina — Dr. Sci. (Pedagogy), Professor, Professor of the Department of the Russian Language and Literature.

Ksenya I. Valeeva — 3rd year Bachelor student.

Статья поступила в редакцию 23.07.2022; одобрена после рецензирования 21.12.2022; принята к публикации 05.05.2023.

The article was submitted 23.07.2022; approved after reviewing 21.12.2022; accepted for publication 05.05.2023.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.